

Предисловіе.

Къ числу отраднѣйшихъ явленій литературной жизни послѣднихъ лѣтъ нельзя не причислить необыкновенный ростъ интереса къ Пушкину. Оправдалось вѣщее слово Тютчева:

Его какъ первую любовь
Россіи сердце не забудеть.

Ни одинъ изъ нашихъ классиковъ не изученъ съ такою тщательностью какъ Пушкинъ, ни объ одномъ не написано столько, не собрано столько матеріаловъ—біографическихъ, бібліографическихъ и всякихъ иныхъ. Если исключить Толстого, интересъ къ которому находится внѣ обычныхъ чисто-литературныхъ рамокъ, то можно прямо сказать, что объ одномъ Пушкинѣ имѣется больше историко-литературнаго матеріала, чѣмъ обо всѣхъ нашихъ классикахъ, вмѣстѣ взятыхъ. Благодаря этому обилію, Н. О. Лернеръ имѣлъ возможность составить толстую книгу въ 700 страницъ, заглавіе которой „Труды и дни Пушкина“ нужно понимать не символически, какъ у Гезіода, а буквально: дѣйствительно изо дня въ день перечислены всѣ мельчайшія событія жизни Пушкина. По отношенію къ другимъ писателямъ такой детальности и приблизительно не достигнешь: нѣтъ данныхъ.

Не считая безчисленныхъ популярныхъ изданій, имѣются теперь четыре научныхъ изданія Пушкина, изъ которыхъ нѣкоторыя стремятся стать своего рода Пушкинскими энциклопедіями. Такой широкой постановки комментарія нѣтъ и

въ западно-европейской литературѣ. Нѣтъ сейчасъ въ западно-европейской литературѣ и спеціальнаго журнала, посвященнаго одному писателю. У насъ-же Академія Наукъ издаетъ такой журналъ—„Пушкинъ и его современники“.

Что касается изслѣдованій и всякаго другого рода историко-литературнаго матеріала о Пушкинѣ, то яркое представленіе объ обиліи его дастъ имѣющая появиться въ скоромъ времени библиографическая работа—„Пушкиниана перваго десятилѣтія ХХ вѣка“. Она составлена участницами Пушкинскаго семинарія на Бестужевскихъ курсахъ, преимущественно г-жами З. И. Добреяновой и Р. А. Кальтенбергъ, обработана-же и дополнена по матеріаламъ моего литературнаго архива бывшимъ участникомъ университетскаго Пушкинскаго семинарія А. Г. Фоминымъ. Эта библиографія почти оставляетъ въ сторонѣ безчисленныя и въ подавляющемъ числѣ случаевъ не представляющія никакого интереса газетныя статьи. Она регистрируетъ только отдѣльно вышедшія книги и статьи въ ежемѣсячныхъ журналахъ. И тѣмъ не менѣе, такой простой перечень заглавій отдѣльныхъ книгъ и журнальныхъ статей, появившихся въ 1900—1910 гг., займетъ болѣе 200 страницъ.

Разъ говоришь объ интересѣ къ Пушкину, то въ добавленіе къ литературному проявленію его надо, конечно, отмѣтить, что въ десяткахъ городовъ, въ томъ или другомъ видѣ, имѣются памятники Пушкину, имѣются „Пушкинскія“ улицы, „Пушкинскія“ площади, „Пушкинскіе“ народные дома. Имѣется Пушкинскій музей при Лицеѣ и при немъ Лицейское Пушкинское общество. Наконецъ, Академіей Наукъ положено начало основанію „Пушкинскаго дома“, на постройку котораго собрано уже около 150,000 р. Подобно Шиллеръ-Гетевскому архиву въ Веймарѣ, подобно „Shakespeare Memorial“ въ Стратфордѣ въ немъ, помимо всякаго иного историко-литературнаго матеріала, будетъ сконцентрировано все, что касается Пушкина и его эпохи. Только что вышелъ первый выпускъ „Временника“ этого дома Пушкина.

Словомъ, если Англія можетъ гордиться „шекспиризмомъ“ и „шекспириологіей“, то и Россія можетъ сказать, что она въ достаточной степени внимательно относится къ памяти величайшаго поэта своего. Есть у насъ серьезный „пушкинизмъ“, есть настоящее „пушкиновѣдѣніе“, есть и заслуживающіе этого званія „пушкинисты“, хотя, увы, настоящей, большой, всеобъемлющей книги о Пушкинѣ и нѣтъ—все больше матеріалы, матеріалы, все *membra disjecta*.

Однимъ изъ проявленій интереса къ Пушкину является и то скромное начинаніе, первый выпускъ котораго здѣсь предлагается вниманію читателя.

Оно органически вытекло изъ другого скромнаго начинанія моего—учрежденія Пушкинскихъ семинаріевъ, сначала при петербургскомъ университетѣ, а затѣмъ на Бестужевскихъ женскихъ курсахъ и при Психо-Неврологическомъ Институтѣ.

Есть затѣи, судьба которыхъ зависитъ не столько отъ первоначальнаго замысла, — добрыми намѣреніями адъ усланъ, — сколько отъ того, совпадаютъ-ли эти затѣи съ назрѣвшею потребностью.

Когда я въ январѣ 1908 г. объявилъ въ университетѣ семинарій: „Пушкинъ, исторія его жизни, творчества и текста“, я это сдѣлалъ просто въ силу того, что самъ усердно работалъ тогда надъ большимъ, комментированнымъ изданіемъ Пушкина. Я весь былъ погруженъ во всякаго рода подготовительныя работы, у меня была собрана вся Пушкинская литература, было множество фотографій Пушкинскаго текста и т. д. и мнѣ такимъ образомъ легко было руководить занятіями участниковъ семинарія.

Въ виду того, что семинарій объявилъ я поздно, въ январѣ, когда уже всѣ студенты записались въ разные другіе семинаріи и, такимъ образомъ, запись въ Пушкинскій семинарій не давала никакого зачета, я былъ убѣжденъ, что запишется человѣкъ 6—7. Не рассчитывая на большее количество, я даже назначилъ собранія семинарія у себя на дому.

Велико-же было радостное изумленіе мое, когда записалось больше тридцати. Многіе уже имѣли зачеты, а сверхъ того записались и студенты другихъ факультетовъ—юристы и естественники.

И это въ высшей степени отрадное явленіе—запись безъ зачета—продолжаетъ быть характерною чертою Пушкинскихъ семинаріевъ и по сію пору. Помимо тѣхъ, которые поступаютъ, уже имѣя зачеты, большинство остается въ семинаріи два года, хотя для зачета достаточно одного года.

Этотъ-же чисто-научный интересъ, внѣ всякихъ зачетовъ, ярко проявился и тогда, когда въ 1910 г. я объявилъ Пушкинскій семинарій на Бестужевскихъ курсахъ и въ Психоневрологическомъ Институтѣ.

На Бестужевскихъ курсахъ число участницъ доходить до ста и больше. Очень показательно, что въ семинаріи Психоневрологическаго Института, гдѣ на всемъ филологическомъ факультетѣ около 120 студентовъ, въ Пушкинскомъ семинаріи никогда не бываетъ меньше двадцати участниковъ.

Чисто-научный интересъ и любовь къ Пушкину, привлекающіе академическую молодежь въ Пушкинскіе семинаріи, не можетъ не отразиться на уровнѣ тѣхъ рефератовъ, которые представляются студентами. Если на первыхъ порахъ не было и не бываетъ и теперь недостатка въ рефератахъ чисто-школьнаго характера, ни на что, кромѣ зачета не претендующихъ, то очень быстро стали появляться и рефераты, значительно превышающіе обычный уровень.

Это сразу почувствовалось въ университетскомъ семинаріи, и одинъ изъ участниковъ предложилъ издавать сборникъ всѣхъ рефератовъ, мотивируя это тѣмъ, что если рефераты и не представляютъ собою чего-либо новаго въ научномъ отношеніи, то, все таки, они объединяютъ отдѣльные моменты біографіи Пушкина и, при бѣдности нашей Пушкинской литературы сводными работами, могутъ быть полезными хотя-бы въ скромной роли работъ популярныхъ.

Изданіе сборника въ такомъ видѣ—печатанія *всѣхъ* рефератовъ мнѣ показалось неприемлемымъ. Но историко-литературный интересъ нѣкоторыхъ рефератовъ побудилъ меня хлопотать о томъ, чтобы они увидѣли свѣтъ въ академическомъ журналѣ „Пушкинъ и его современники“. Въ этомъ журналѣ напечатаны рефераты А. Л. Бема о „шато-бріанизмѣ“ Пушкина и одинъ изъ рефератовъ Психо-Неврологическаго Института—А. С. Полякова „Пушкинъ и Пнинъ“.

Въ этомъ-же журналѣ В. В. Бушъ напечаталъ извлеченіе изъ своей работы надъ текстомъ Пушкинскихъ стихотвореній 1818—1819 г.г. И, наконецъ, принята къ напечатанію цѣнная библиографическая работа слушательницъ Бестужевскихъ курсовъ, о которой сказано выше.

Я хлопоталъ только о тѣхъ рефератахъ, которые подходили къ общему характеру академическаго журнала, внося что-нибудь фактически-новое въ изученіе Пушкина.

Но рядомъ съ такими рефератами, въ семинаріяхъ читались рефераты, интересные съ чисто-литературной точки зрѣнія: либо талантливо-написанные, либо затрагивающіе тѣ или другіе эстетическіе вопросы, либо, напротивъ того, подходящіе къ предмету съ точки зрѣнія этической и т. д.

Пристраивать такіе рефераты въ общіе журналы, занятые интересами болѣе злободневнаго характера, да и располагающіе сотрудничествомъ писателей, уже вполне сформировавшихся, мнѣ казалось труднымъ дѣломъ.

И вотъ, какъ-бы сама собою, родилась мысль создать нѣкій органъ Пушкинскихъ семинаріевъ, въ которомъ первыя опыты научно-работающей и талантливой академической молодежи могли-бы увидѣть свѣтъ, себѣ въ поощреніе, соотарищамъ и читателямъ часто въ безспорное поученіе.

Матеріала накопилось на цѣлыхъ четыре сборника (по 10 листовъ)—это все доклады перваго пятилѣтія существованія университетскаго семинарія и перваго трехлѣтія

семинарієвъ Бестужевскихъ курсовъ и Психо-Неврологическаго Института. Но и новыя семинаріи уже дали нѣсколько рефератовъ, вполне достойныхъ того, чтобы быть напечатанными.

„Пушкинисть“ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: въ первомъ печатаются рефераты, во второмъ дается лѣтопись 3 Пушкинскихъ семинарієвъ.

Печатаніе рефератовъ идетъ почти въ хронологическомъ порядкѣ. Первый рефератъ—А. Л. Бема, какъ было раньше отмѣчено, уже былъ напечатанъ въ „Пушкинѣ и его современникахъ“. Но онъ такъ органически связанъ съ Пушкинскимъ семинаріємъ, что было-бы странно его отсутствіе въ сборникѣ работъ этого семинаріа. Значеніе реферата въ томъ, что онъ вноситъ и фактическія и методологическія поправки въ теорію Пушкинскаго „шатобріанизма“, выдвинутаго В. В. Сиповскимъ и довольно прочно вошедшаго въ литературный обиходъ. Важныя фактическія поправки А. Л. Бема заключаются въ указаніи того, что устанавливая сходство между „Кавказскимъ плѣнникомъ“ и „Атала“ Шатобріана, В. В. Сиповскій не только довольствуется самымъ мимолетнымъ сходствомъ, но при этомъ: 1) не обращаетъ вниманія на то, что, при самомъ мимолетномъ сходствѣ, „интрига идетъ совершенно другимъ путемъ“ въ поэмѣ Пушкина и 2) къ фабулѣ „Атала“ примѣшиваетъ фабулу „Натчезовъ“, а „Натчезы“ вышли... въ 1825 г., т. е. *послѣ* появленія „Кавказскаго Плѣнника“.

Имѣютъ серьезное значеніе и методологическія указанія реферата. Референтъ вдумывается въ вопросъ о томъ, что такое „вліяніе“ и что такое сущность творчества Шатобріана. И сопоставляя съ одной стороны легитимизмъ Шатобріана и его борьбу во имя историческаго христіанства противъ идей 18 вѣка, а съ другой общій обликъ перваго періода творчества Пушкина, столь ярко окрашеннаго погонеею за „призракомъ свободы“ и религіознымъ скептицизмомъ, мы, конечно, согласимся съ заключительнымъ выводомъ реферата: „не будь Байрона—

литературное наслѣдіе Пушкина было-бы инымъ, не будь Шатобріана—наслѣдіе Пушкина осталось-бы тѣмъ-же“.

„Цыганы“ А. С. Искоза-Долинина интересны своимъ стремленіемъ связать написанную безъ малаго сто лѣтъ тому назадъ поэму Пушкина съ самыми жгучими проблемами нашей современности. Исходя изъ утвержденія Достоевскаго, что Пушкинъ былъ „пророчествомъ и указаніемъ“ всего будущаго хода русской литературы, референтъ приходитъ къ выводу, что самый животрепещущій вопросъ литературной жизни послѣднихъ десятилѣтій—„проблема индивидуализма во всей необъятной шири и болѣзненной глубинѣ“ поставлена въ „Цыганахъ“. Поставлена, какъ „высшій синтезъ, внѣ всякой зависимости отъ эпохи или среды; обнаженная проблема внѣ какихъ-бы то не было рамокъ быта, мѣста и времени“. И потому, геніальная поэма остается вѣчно-юнымъ, вѣчно захватывающимъ чтеніемъ.

Въ рефератѣ нѣтъ недостатка въ чрезмѣрно-широкихъ обобщеніяхъ и преувеличеніяхъ, столь свойственныхъ молодому восторгу. Но, въ общемъ, онъ мнѣ показался проявленіемъ вдумчиваго критическаго дарованія и мнѣ захотѣлось создать возможность дальнѣйшаго примѣненія этой вдумчивости. Я рискнулъ предложить референту написать для IV т. моего изданія Пушкина статью о „Повѣстяхъ Бѣлкина“. Эта статья, органически, такимъ образомъ, связанная съ работою Пушкинскаго семинарія, мнѣ представляется несомнѣннымъ вкладомъ въ критическую литературу о Пушкинѣ. Неожиданно, но безусловно убѣдительно устанавливаетъ она параллелизмъ между „Моцартомъ и Сальери“ и мало-понятнымъ безъ этой параллели „Выстрѣломъ“, между высоко-трагическимъ „Пиромъ во время чумы“ и бытовымъ „Гробовщикомъ“ и вообще между всѣми такъ названными самымъ Пушкинымъ „маленькими“, а на самомъ дѣлѣ величайшими трагедіями его („Моцартъ и Сальери“, „Пиръ во время чумы“, „Скулой Рыцаря“, „Каменный Гость“) и повѣстями скромнаго Бѣлкина.

Великая, по своей плодотворности, осень 1830 года приобретает въ этомъ параллелизмѣ цѣльное освѣщеніе, какъ полоса единого творческаго устремленія, лишь благодаря многогранности генія Пушкина получившаго такое внѣшне-разнообразное выраженіе.

Третій рефератъ — слушательницы Бестужевскихъ курсовъ Н. М. Колобовой чисто-эстетическаго характера. Онъ посвященъ изученію творческихъ приемовъ Пушкина тамъ, гдѣ онъ является пѣвцомъ природы. Эстетическія работы часто крайне бесплодны, вращаясь въ сферѣ импрессионизма и всяческаго иного субъективизма и потому не приводя ни къ какимъ опредѣленнымъ результатамъ. Но работа г-жи Колобовой имѣетъ подъ собою почву вполне реальную и потому научную. Отдавая извѣстную дань и субъективизму тамъ, гдѣ она съ лирическимъ подъемомъ говоритъ о чувствѣ природы, референтка, главнымъ образомъ, вращается въ области данныхъ вполне объективныхъ. Она всегда точно констатируетъ и анализируетъ творческіе приемы поэта, устанавливаетъ его краски, предметы его сравненій и вообще всѣ тѣ детали, изъ которыхъ Пушкинъ строитъ свои образы и составляетъ свои картины. И сопоставляя эти образы и картины съ тѣми, что дали тѣ два поэта, которыхъ можно назвать пѣвцами природы *par excellence* — съ Тютчевымъ и Фетомъ, референтка приходитъ къ вполне правильному выводу:

„Человѣкъ занимаетъ всѣ думы Пушкина. Человѣческое близко и дорого ему. Природа не существуетъ, какъ самостоятельное бытіе, если она не связана съ бытіемъ человѣка. Пушкинъ вездѣ раскрываетъ передъ нами душу человѣка, всѣ ея тайны; ея буйныя радости; ея смятенія и тревоги; ея печали; ея сокровенныя раны.—Но нигдѣ онъ не раскрываетъ души предметовъ, души природы“.

Какъ это формулировалось во время преній, вызванныхъ докладомъ, природа для Пушкина только рамка, назначеніе которой такъ или иначе отгнѣнить смотрящей сквозь нея ликъ человѣка.

Съ методологической точки зрѣнія, референткѣ можно поставить въ упрекъ, что въ своихъ характеристикахъ Пушкинскихъ творческихъ приѣмовъ она не всегда прибѣгаетъ къ тому, что можно было-бы назвать количественнымъ анализомъ и совсѣмъ не прибѣгаетъ къ тому, что можно было-бы назвать анализомъ качественнымъ. Разсматривая эпитеты Пушкина, она далеко не всегда отмѣчаетъ, какъ часто тотъ или другой эпитетъ встрѣчается и совсѣмъ не отмѣчаетъ, въ стихотвореніи какого времени и достоинства онъ употребленъ: удачномъ или неудачномъ, юношескомъ или зрѣлаго возраста. А это очень важно, потому что въ неудачномъ не все характерно для уясненія міроотношенія поэта, а въ молодомъ многое не отъ Пушкина, а отъ тѣхъ, которымъ онъ подражалъ и у которыхъ бралъ готовые образы и эпитеты.

Въ общемъ, однако, работа молодой изслѣдовательницы мнѣ представляется серьезнымъ приобрѣтеніемъ нашей литературы о Пушкинѣ, крайне бѣдной работами именно такого характера. Вопросъ объ отношеніи Пушкина, къ природѣ почти не затронутъ въ Пушкинской литературѣ. Можно указать только на изслѣдованіе извѣстнаго московскаго педагога В. Э. Саводника, но въ докладѣ г-жи Колобовой вопросъ разработанъ гораздо детальнѣе.

Рефератъ В. А. Краснова—„Байронъ“ представляетъ собою только незначительную часть огромнаго доклада, чтеніе котораго заняло цѣлыхъ четыре засѣданія. Другой отрывокъ изъ этой красиво и съ большимъ воодушевленіемъ написанной работы напечатанъ въ журналѣ „Жизнь для всѣхъ“ 1913 г.

Въ слѣдующихъ выпускахъ „Пушкиниста“ *) будутъ напечатаны рефераты:

---

*) Я опредѣленно рѣшилъ выпустить 4 сборника. Дальнѣйшее будетъ зависеть отъ приѣма, который „Пушкинистъ“ встрѣтитъ. Сборникъ печатается въ количествѣ 1000 экз. и цѣна ему назначается въ 1 р. (Исключеніе дѣлается

Б. М. Энгельгардта „Историзмъ Пушкина и его общественная идеологія“.

А. Г. Фомина „Обзоръ литературы по вопросу о вліяніи Байрона на Пушкина“.

А. А. Тамамшева „Опытъ анализа осеннихъ мотивовъ въ творчествѣ Пушкина“.

М. І. Лопато „О повѣстяхъ Бѣлкина“.

В. В. Гиппіуса „Эротизмъ Пушкина“.

Александра Попова „Пушкинъ и французская юмористическая поэзія XVIII вѣка“.

А. С. Полякова „Источники Пушкинскаго „Романса“.

В. В. Буша, „Изъ наблюденій надъ текстомъ Пушкинскихъ стихотвореній 1818—1819 г.г.“.

„Пушкиниана перваго десятилѣтія XX вѣка“ З. И. Добреяновой, Р. А. Кальтенбергъ и А. Г. Фомина.

Рядъ другихъ рефератовъ я пока не называю, потому что они, можетъ быть, потребуютъ кое-какихъ передѣлокъ и дополненій.

Вторую часть „Пушкиниста“ занимаетъ „Лѣтопись Пушкинскихъ семинаріевъ“, непосредственнымъ органомъ которыхъ является настоящій сборникъ.

Часть „лѣтописи“ можетъ имѣть только, такъ сказать, мѣстный интересъ. Она начинается съ „Общаго обзора занятій въ Пушкинскомъ семинаріи при Спб. Ун. за пятилѣтіе 1908—1913“.

Это именно только „общій обзоръ“. А вообще-то о за сѣданіяхъ семинаріевъ имѣются болѣе обстоятельныя записи.

Каждому засѣданію ведется довольно подробный протоколь, въ которомъ записывается и сущность доклада и

для I вып., потому что въ немъ, вмѣсто предполагаемыхъ 10 листовъ, дано больше 16). Валовая значить, выручка, при уступкѣ книготорговцамъ и студентамъ въ 25—30%—700 р. Обходится-же бумага и печать 10 листовъ около 400 р. Такимъ образомъ, если разоидется экз. 600—650 изданіе окупится. Буде получится какой-нибудь доходъ, онъ пойдетъ частью на увеличеніе объема выпусковъ, частью на пополненіе библиотекъ Пушкинскихъ семинаріевъ.

вызванные имъ, часто чрезвычайно-оживленныя, пренія. Напечатать цѣликомъ эти протоколы едва-ли представится возможность. Но извлеченія изъ нихъ будутъ даны въ слѣдующихъ выпускахъ „Пушкиниста“. По недостатку мѣста, переносится также въ слѣдующій выпускъ обзоръ занятій въ семинаріяхъ Бестужевскихъ курсовъ и Психо-Неврологическаго Института.

Вторая статья „Лѣтописи“ — „Темы, предложенныя Пушкинскимъ семинаріамъ въ 1913/1914 уч. году“ уже представляетъ интересъ общій. Онѣ могутъ сослужить нѣкоторую службу во всякомъ историко-литературномъ семинаріи. Спѣшу прибавить, что ни въ самыхъ темахъ, ни въ тѣхъ отправныхъ пунктахъ, которыя въ нихъ намѣчены, нѣтъ ничего обязательнаго. Рядомъ съ темами, предлагаемыми мною, дается широкая возможность писать на всякаго рода „вольныя“ Пушкинскія темы и разобрать какія угодно стороны біографіи и творчества Пушкина. Я своими темами и вѣхами прихожу на помощь только начинающимъ, не знающимъ на чемъ остановиться. Библіографія указана только общая. Для бібліографіи болѣе детальной участникамъ семинаріевъ предоставлена возможность пользоваться записями моего литературнаго архива. Часть этой детальной Пушкинской бібліографіи переписана на карточки и имѣется въ бібліотекахъ семинаріевъ.

Не могу безъ особаго волненія говорить о напечатанной вслѣдъ за темами „Программѣ составленія Словаря поэтическаго языка Пушкина“. Это только первый этапъ, но уже довольно дѣятельно осуществляемаго замысла.

Нѣтъ надобности сколько-нибудь подробно распространяться о лексическомъ, историко-литературномъ и эстетическомъ значеніи осуществленнаго словаря Пушкинскаго языка. Какой прочный базисъ получимъ мы тогда для обоснованія нашихъ сужденій о гениі Пушкина!

Въ настоящее время всѣ наши сужденія о поэтическихъ

достоинствахъ Пушкина, какъ и всякаго, вообще, поэта болѣе или менѣе висятъ въ воздухѣ, не имѣя подъ собою ни какой почвы, кромѣ интуиціи. Мы постигаемъ красоты Пушкина, какъ и всякую иную красоту врожденнымъ эстетическимъ чувствомъ. Руководитель, конечно, хорошій, потому что эстетическое постиженіе, какъ актъ исключительно эмоціональный, только путемъ интуитивнымъ и ирраціональнымъ и создается.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ сколько мѣста для самой крайней субъективности, для сужденій не только совершенно произвольныхъ, но, самое важное, случайныхъ, подверженныхъ разнымъ колебаніямъ внѣ всякой связи съ остающимся неизмѣннымъ объектомъ сужденія.

Словарь языка поэта въ значительной степени устраняетъ этотъ элементъ случайности въ сужденіяхъ если не о достоинствахъ, то во всякомъ случаѣ о *свойствахъ*. Мы сейчасъ говоримъ объ образности Пушкина, о ясности его, гармоничности и т. д. Говоримъ вѣрно, конечно, но бездоказательно, говоримъ, потому что все это „чувствуется“. Имѣя въ своемъ распоряженіи всѣ слова, съ помощью которыхъ поэтъ достигаетъ очарованія мы, конечно, тоже самой тайны очарованія не постигнемъ, потому что дѣло не въ словахъ, а въ ихъ сочетаніи. Но, все-же, мы получаемъ тогда совершенно объективный матеріалъ въ помощь нашему эстетическому субъективизму.

Взять хотя-бы представленіе объ образности. Если-бы въ нашемъ распоряженіи былъ Пушкинскій словарь, и сила этой образности и свойства ея могли-бы быть установлены почти математически, подсчетомъ. Ибо что такое „образность“? Обиліе образовъ, т. е. обиліе предметовъ, изъ которыхъ образъ составляется, т. е. обиліе именъ существительныхъ. Что такое ясность образовъ? Объ этомъ мы можемъ судить и по анализу именъ существительныхъ, входящихъ въ составъ образовъ и по эпитетамъ, т. е. по анализу именъ при-

лагательныхъ, по опредѣленію того въ какой мѣрѣ эти прилагательныя конкретны или отвлечены, ясны или неопредѣлены, красочны или тусклы. Съ помощью словаря наглядно, статистически могутъ быть рѣшаемы вопросы даже о самыхъ интимныхъ переживаніяхъ поэта. Что у него первенствуетъ въ творческихъ думкахъ и волненіяхъ? Религія, любовь къ женщинѣ, природа, наслажденіе жизнью, отечество, политика? Обо всемъ этомъ надо говорить словами только опредѣленнаго разряда, и по анализу и подсчету того, часто или рѣдко тѣ или другія слова, выражающія опредѣленный кругъ понятій употреблены, мы получимъ совершенно ясный и точный отвѣтъ.

То, что сейчасъ указано, не исчерпываетъ, конечно, и сотой доли выводовъ, которые могутъ быть сдѣланы на основаніи лексического матеріала для изученія и техники творчества поэта, и его содержанія. Міросозерцаніе, идеалы, вкусы, степень образованія, составъ образованія, чисто-физическія свойства воспріятія внѣшняго міра и т. д., и т. д., и т. д.—все можно доподлинно установить съ помощью словаря. А что уже говорить о справочномъ значеніи такого словаря. Сколько бьешься, сколько времени затрачивается, и обыкновенно бесплодно, чтобы отыскать нужный стихъ Пушкина. При существованіи словаря достаточно, чтобы хотя одно слово осталось въ памяти.

Огромная важность составленія Пушкинскаго словаря уже давно была осознана. Еще лѣтъ 20 тому назадъ, мнѣ приходилось слышать отъ извѣстнаго московскаго адвоката и вмѣстѣ съ тѣмъ тонкаго эстетика и замѣчательнаго знатока литературы—кн. А. И. Урусова, что по его инициативѣ въ Москвѣ образовался кружокъ для составленія Пушкинскаго словаря.

По какой программѣ онъ составлялся—мнѣ неизвѣстно, хотя, въ общемъ, сколько припоминаю, задачи были самыя элементарныя. Но какъ-бы то ни было, изъ затѣи кн. Урусова ничего не вышло.

Разъ говоришь о Пушкинскомъ словарѣ, нельзя не отмѣтить работы В. А. Водарскаго—„Матеріалы для словаря *прозаическаго* языка Пушкина“, печат. въ „Филолог. Зап.“ 1901—1903 г.г. Но помимо того, что она касается только прозы Пушкина, она ведется не столько въ формѣ словаря, сколько въ формѣ филологическаго комментарія.

Когда университетскій Пушкинскій семинарій установился окончательно, у меня сложилось убѣжденіе, что именно съ его помощью можетъ быть созданъ Пушкинскій словарь. Я всегда смотрѣлъ на университетскій семинарій не только какъ на учрежденіе спеціально-учебнаго назначенія. Мнѣ всякое собраніе студентовъ всегда представляется собраніемъ молодыхъ научныхъ силъ, которыя нетрудно направить по такому пути, идя по которому не только достигаются цѣли школьныя, цѣли первоначальнаго усвоенія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ быть что-нибудь сдѣлано и для привнесенія въ науку. Нужно только поставить работу по возможности несложно.

Такъ она и поставлена въ печатаемой здѣсь программѣ. Разработанная по возможности детально, она студента-филолога затруднить не можетъ. Единственный пунктъ, представляющій извѣстныя трудности—18-й, т. е. установленіе словъ, заимствованныхъ изъ иностранныхъ языковъ и словъ, настолько органически вошедшихъ въ русскій языкъ и въ немъ, говоря терминомъ фольклора, *бытующихъ*, что сознаніе иноземнаго ихъ происхожденія совершенно исчезло. Но возможная не удовлетворительность отвѣта на этотъ вопросъ программы всегда можетъ быть легко исправлена въ окончательной редакціи. И не нужно, собственно, говорить объ „исправленіи“: *ошибки* вѣдь тутъ не можетъ быть; можетъ быть только неполнота.

Я не вижу надобности останавливаться сейчасъ на разныхъ техническихъ подробностяхъ. На нихъ я остановлюсь въ дальнѣйшихъ выпускахъ „Пушкиниста“, когда дѣло приблизится

къ концу. Сейчасъ-же скажу о ходѣ работъ по составленію Пушкинскаго словаря въ самыхъ общихъ чертахъ.

Предложеніе приступить къ составленію словаря было принято участниками университетскаго семинарія съ большимъ воодушевленіемъ, и скоро были разобраны всѣ стихотворенія до 1824 года.

Два обстоятельства, однако, замедлили ходъ работы.

Первымъ, весьма серьезнымъ препятствіемъ явились волненія 1910—1911 учебн. года, благодаря которымъ и не всѣ участники семинарії остались жителями столицы и все, вообще, второе поступленіе въ Пушкинскій семинарій не дало такого органически-спаяннаго состава, какимъ является первое поступленіе, или, какъ мы въ шутку говоримъ въ семинарії, „пушкинисты перваго призыва“.

Вторымъ, затормозившимъ быстроту работы обстоятельствомъ была одна моя организаціонная ошибка, о которой я еще скажу въ предстоящемъ подробномъ отчетѣ. Суть ошибки въ томъ, что одновременно было поведено и собраніе сырого матеріала, того, что можно назвать словарной рудой и окончательная, сводная обработка. Это задерживало.

Несмотря, однако, и на указанныя препятствія и еще на нѣкоторыя другія, дѣло значительно подвинулось. Собрано много десятковъ тысячъ записей. Еще въ текущемъ году, благодаря отзывчивости Пушкинскаго семинарія на Бестужевскихъ курсахъ, словарная руда будетъ доведена до 1828 г.

Фамиліи лицъ, принявшихъ участіе въ составленіи словаря, будутъ своевременно сообщены. Пока считаю нужнымъ отмѣтить составъ первой редакціонной комиссіи, въ которую вошли: В. А. Красновъ, теперь оставленный при университетѣ по кафедрѣ ист. рус. литературы, М. Л. Лозинскій, нынѣ редакторъ органа поэтовъ-акмеистовъ „Гиперборей“. В. А. Сидоровъ, тоже оставленный по кафедрѣ исторіи рус. литературы и А. Г. Фоминъ, который въ 1912—13 г.г. заслужилъ столько лестныхъ отзывовъ печати своимъ дѣй-

ствительно превосходнымъ изданіемъ сочиненій Никитина. Коммиссія внесла нѣкоторыя практическія улучшенія въ мою первоначальную программу, которую я составилъ, исходя изъ чисто-теоретическихъ, лексическихъ требованій и положила начало *сводной работѣ* надъ записями.

Послѣдній отдѣлъ „Пушкиниста“ имѣетъ, собственно, частное значеніе—дать, какъ это всегда дѣлается при отчетахъ о дѣятельности научныхъ кружковъ, списокъ участниковъ. Я нѣсколько расширилъ обычныя рамки: по своей страсти къ біо-библіографическимъ датамъ ввелъ, насколько это было возможно, указанія на день и годъ рожденія, происхожденіе, мѣсто завершенія средняго образованія, годъ поступленія въ университетъ. Отмѣчены также первые научно-литературные шаги участниковъ семинарія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ приводятся библіографическія данныя о литературной дѣятельности и тѣхъ, которые вступили въ семинарій уже сложившимися писателями.

Приложивъ всѣ старанія къ тому, чтобы дать свѣдѣнія точныя и зарегистрировать всѣхъ участниковъ, я, къ сожалѣнію, знаю заранѣе, что нѣкоторые пропущены. Именно тѣ, которые, не нуждаясь въ зачетѣ, не записались ни у декана, ни у секретаря семинарія. Усердно прошу указать мнѣ всѣ пропуски и неточности ¹⁾ Исправленія и дополненія будутъ внесены въ послѣдующіе списки.

По недостатку мѣста въ настоящемъ, и безъ того очень разросшемся первомъ выпускѣ не могъ я дать списка участниковъ Пушкинскихъ семинаріевъ Бестужевскихъ курсовъ и Психо-Неврологическаго института. Они появятся въ слѣдующемъ выпускѣ.

Печатаніе списковъ, какъ-бы сплывающее въ одно Пушкинское содружество всѣхъ участниковъ Пушкинскихъ семинаріевъ, имѣетъ еще одну цѣль, общаго значенія. Думается, что это можетъ содѣйствовать основанію особаго

---

¹⁾ По адресу: С.-Петербургъ, Загородный, 21.

общества изученія Пушкина, потребность въ которомъ давно чувствуется и о созданіи котораго нѣсколько разъ поднимались разговоры въ университетскомъ семинаріи. Были уже даже сдѣланы кое-какіе практическіе шаги и получено согласіе многихъ историковъ литературы вступить въ число членовъ проэктируемаго общества. Окончательно, однако, ничего не вырѣшено. И только теперь, когда, благодаря составленію списковъ участниковъ семинаріевъ, можно кое-что предпринять для того, чтобы сразу набралось достаточное для будущаго общества количество членовъ, дѣло созданія его приметъ реальныя формы.

Въ ближайшемъ послѣ выхода I вып. „Пушкиниста“ времени предполагается созвать учредительное собраніе для составленія устава „Общества изученія Пушкина и его эпохи“.

Пора, давно пора создать такое общество. Аполлонъ Григорьевъ, со свойственною ему экспансивностью, когда-то сказалъ: „Пушкинъ—это наше все“. Теперь такъ не скажешь. Разъ „наше все“, то безъ Толстого и Достоевскаго, возведшихъ русскую литературу въ рангъ общепризнанныхъ великихъ литературныхъ державъ, никакъ не обойдешься. Но и въ сосѣдствѣ съ этими гигантами, получившими міровое признаніе, Пушкинъ, такого мірового признанія не получившій, вплоть до нашихъ дней не перестаетъ быть удивительнѣйшимъ проявленіемъ литературнаго генія. И можетъ быть одною изъ главныхъ задачъ будущаго Общества должно стать стремленіе показать, что Пушкинъ писатель значенія всемірнаго. Въ этомъ не всѣ еще убѣждены. Преобладающее мнѣніе такое, что Пушкинъ только великій русскій писатель и въ міровую литературу не входитъ. Есть даже мнѣніе, что и для Россіи Пушкинъ устарѣлъ.

Для насъ Державинимъ сталъ Пушкинъ, недавно провозгласилъ одинъ изъ наиновѣйшихъ поэтовъ,—Игорь-Съверянинъ, о чемъ, можетъ быть, и упоминать не слѣдовало-бы, еслибы молодой поэтъ не былъ человѣкъ съ талантомъ.

Но неправда это, не устарѣлъ и вѣчно юнъ Пушкинъ. Здѣсь уже говорилось о томъ, сколько современности въ „Цыганахъ“.

А „Пиръ во время чумы“?

Есть упоеніе въ бою
И бездны мрачной на краю,
И въ разъяренномъ океанѣ
Средь грозныхъ волнъ и бурной тьмы,
И въ аравійскомъ ураганѣ,
И въ дуновеніи чумы!
Все, все, что шибелю фрозить,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъяснимы наслажденья —
Безсмертья, можетъ быть, залогъ!

Да вѣдь это самоновѣйшій трепеть послѣднихъ литературныхъ десятилѣтій. Тутъ и Достоевскій, съ его сладострастнымъ интересомъ къ безднамъ, тутъ и вся изысканность модернизма, съ его погоней за остротою ощущеній, съ его воспѣваніемъ сочетанія любви и смерти, высшей вспышки полноты жизни и ея прекращенія, но только съ проникновеннымъ гармоническимъ аккордомъ, котораго нѣтъ въ издерганной психологіи модернизма. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій университетскаго семинарія, въ докладѣ, посвященномъ конфликту личности и государства (тоже не очень устарѣвшая тема) въ „Мѣдномъ Всадникѣ“ и „Галубѣ“, былъ, между прочимъ, отмѣченъ и другой конфликтъ, изображенный въ „Странникѣ“. Почитайте эту забытую теперь передѣлку изъ Буньяна—вы тамъ найдете всю трагедію Толстого, съ его страхомъ смерти, съ его поисками „тѣсныхъ вратъ спасенія“ и съ потрясающимъ финаломъ его жизни.

По разнообразію темъ, эпохъ „племень, нарѣчій, состояній“ Пушкинъ явленіе единственное. Это самый всеобъемлющій, самый универсальный русскій писатель, котораго нельзя охарактеризовать двумя, тремя основными сюжетами и настрое-

ніями, какъ можно охарактеризовать даже такого титана, какъ Лермонтовъ. Когда Полонскій захотѣлъ написать стихотвореніе—характеристику Пушкина, получился длинный свитокъ, гдѣ каждая строчка открываетъ новую сторону генія поражающе-многограннаго поэта. Конечно, „Пушкинъ — это возрожденіе Русской музыки“. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ „Эллиновъ стремленіе къ красотѣ“. Пушкинъ „голосъ Немезиды“, Пушкинъ „дѣвы Эмениды окровавленный кинжалъ“. И его-же поэзія „арфа серафима, въ часъ, когда душа палима жаждой вѣры въ небеса“. Пушкинъ „старой няни сказка“, Пушкинъ „молодости ласка“. Всюду онъ свой:

Свой въ столицахъ, на пирушкѣ,
Въ саклѣ, въ таборѣ, въ лачужкѣ,
Пушкинъ чуткою душой
Слышитъ друга голосъ дальній—
Пѣсню Грузіи печальной,
Бредъ цыганки кочевой...

Близка ему природа, хотя, какъ мы знаемъ, и подчиняетъ онъ ее обаянію человѣческой личности:

Слышитъ рокоть заунывный
Океана въ бурной мглѣ,
Видитъ небо безъ лазури
И—что краше волнь и бури,—
Видитъ дѣву на скалѣ.

Пушкинъ, конечно, первый народникъ русской литературы, какъ ни подходитъ къ понятію о „народности“: и съ точки зрѣнія демократической, и съ точки зрѣнія археологической:

Знаетъ горе намъ родное,
И разгулье удалое,
И сердечную тоску...
Но не падаетъ усталый
И, какъ путникъ запоздалый,
Самъ стучится къ мужику.

Ничего не презирая,
Въ дымныхъ избахъ изучая
Духъ и складъ родной страны,
Чуя русской жизни трепеть,
Пушкинъ—правды первый лепеть,
Первый проблескъ старины.
Убѣжденный государственникъ, Пушкинъ.

. . . эхо славы

Отъ Кавказа до Варшавы,
Отъ Невы до всѣхъ морей.

Но онъ-же

. . . сѣятель пустынный
Другъ свободы.

И глубоко-вѣрны заключительныя слова апофеоза-
характеристики: Пушкинъ

Это геній, все любившій,
Все въ самомъ себѣ вмѣстившій—
Сѣверъ, Западъ и Востокъ.

. . . . .

Поэтическій Мессія
На Руси онъ, какъ Россія
Всеобъемлющъ и великъ.

С. Венгеровъ.

15 Марта 1914.

ПУШКИНИСТЪ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ

подъ редакцией проф. С. А. Венерова.

С.- ПЕТЕРБУРГЪ
Фототипія и Типогр. А. Ф. Дресслера, Б. Подъяческая, 22.
1914.